

INSPIRIA

КРИСТЕН МЕЙ ЧЕЙЗ

Долгая дорога до Грейсленда

INSPIRIA

Novel. Скелеты в шкафу

Кристен Мей Чейз

Долгая дорога до Грейсленда

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Чейз К.

Долгая дорога до Грейсленда / К. Чейз — «Эксмо»,
2023 — (Novel. Скелеты в шкафу)

ISBN 978-5-04-221052-5

Они оставляют за собой след из блесток, накладных ресниц и тяжелых воспоминаний по дороге в Мемфис. Эксцентричная Лоралинн, мечтающая увидеть поместье Элвиса и не умереть, и ее дочь Грейс, недавно расставшаяся с мужем. Между спонтанными визитами к экстрасенсам, неудачами с париками и привычными пассивно-агрессивными выходками Грейс начинает лучше понимать свою мать, помешанную на короле рок-н-ролла, и их хрупкую связь.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-221052-5

© Чейз К., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Кристен Мей Чейз

Долгая дорога до Грейсленда

Kristen Mei Chase
THOUSAND MILES TO GRACELAND

Copyright © 2023 by Kristen Mei Chase
This edition published by arrangement with Grand Central Publishing, a division of Hachette
Book Group, Inc., USA.
All rights reserved.

© Пономарева С., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2025

* * *

КРИСТЕН МЕЙ ЧЕЙЗ

Долгая дорога
до Грейсленда

INSPIRIA
Москва

**Школа перевода
В. Баканова**

*Посвящается моей матери Одри.
Ты даже не догадываешься, как часто я о тебе думаю!*

Глава 1

– Как тебе удается так красиво подводить глаза? – В дверь моего кабинета, которую я вроде бы плотно закрыла, заглянула наша практикантка Джейн Чой. Коснувшись века, она добавила: – Мои всегда выглядят *дерьмово*.

Последнее слово она произнесла шепотом, как бы застыдившись в присутствии взрослого, и сделала это намеренно, чтобы подчеркнуть нашу разницу в возрасте.

– Вот здесь всегда размазывается, – она ткнула во внутренний уголок глаза, – а у тебя...

– Все дело в эпикантусе, – отрезала я, демонстративно продолжая печатать. Джейн – любительница задать какой-нибудь нейтральный вопрос типа: «Каким бальзамом для волос пользуешься» или «Где купила этот свитер», чтобы быстренько свести все к сплетням о том, кто с кем занимается «сама знаешь чем». На этот раз прием под названием «дел невпроворот» сработал.

– Боже мой, и все-то ты знаешь, Грейс! – Практикантка одарила меня улыбкой, дернула плечиком и умчалась в свою комнатку.

Я вернулась к квартальному отчету одного из клиентов. Вокруг моего ноутбука выстроились дипломы в рамочках и фотография, сделанная перед выпускным в школе двадцать пять лет назад. Этот снимок всегда вызывал во мне чувство неловкости, хотя на нем мама выглядела вполне прилично: никаких дешевых париков, украшенных стразами брюк и вызывающих босоножек на платформе, в которые она обычно наряжалась. Вместо привычного стиля «а-ля артистка варьете из Вегаса» она выбрала вариант «Присцилла Пресли в трауре», облачившись во все черное, будто собралась на похороны, а не на выпускной. И это был самый изысканный наряд, в котором я когда-либо видела свою мать. Снимок заслуживал первого места на сайте «Забавные семейные фотографии»¹. На нем мы застыли в неестественных позах на фоне маминской коллекции статуэток Элвиса. К слову, фигурок у нее было великое множество, и каждая связана с каким-либо значимым событием в жизни Короля рок-н-ролла. В ответ на комплимент или вопрос по поводу любой из них мама пускалась в бесконечное повествование о том, где, при каких обстоятельствах и за сколько приобрела сувенир.

Я так давно перестала обращать внимание на эту фотографию, что забыла, как мы выглядим: на моем лице – вымученная улыбка, как под дулом пистолета; а у мамы – трагическая мина, как при прощании навеки с лучшим другом.

В бухгалтерской фирме аврал конца сентября подобен горячке в апреле, плюс ощущение загнанности в угол – потому что сроки поджимают. В последних числах апреля большинство сотрудников «Уит, Уорнер и Ходжес» исчезали из компании на лето, разбросав налоговые бланки по всему офису. Помещение выглядело как подвергшийся нападению космический корабль, чей экипаж был вынужден бежать на спасательных капсулах. Отход команды оставались прикрывать несколько героев (или идиотов?) вроде меня, которые добровольно отказались от личной жизни и летнего отдыха ради пресловутого «задела на будущее». Когда-то я выбрала бухгалтерию, потому что название этой специальности первым попало мне на глаза в списке факультетов колледжа. Моя мать прекрасно знала, что я просто хотела сбежать из дома, но продолжала хвастаться своим знакомым, что ее дочь станет дипломированным бухгалтером-ревизором.

Поначалу нагромождение цифр приводило в ужас: даже антропология и археология выглядели привлекательнее вселенной математических задач, в которую я угодила. Но посте-

¹ «Забавные семейные фотографии» (Awkward Family Photos) – интернет-сайт, созданный в 2009 году, на котором размещаются фотографии, запечатлевшие неловкие, но в то же время смешные моменты из жизни семьи или общения друзей.

пенно четкая логика и предсказуемость цифр покорили меня, и на старших курсах я уже не могла представить, что буду заниматься чем-то другим.

Для матери же слово «бухгалтерия» обладало каким-то удивительным очарованием, она всегда говорила про мою работу с восторженным придыханием:

– И вот моя дочь берет все эти бланки и квитанции, проводит расчеты и... вуаля! – И выглядела мама при этом так, как если бы показывала фокусы на шоу «Алло, мы ищем таланты».

– Мама, все далеко не так романтично, – пыталась вмешаться я, но она лишь досадливо отмахивалась и продолжала свое маленькое представление.

Чтобы не разочаровывать маму, я ни с кем не делилась своей маленькой тайной: в бухгалтерии не нужны математические способности, требуются только усидчивость и самодисциплина.

Однако рано или поздно предсказуемость и обыденность работы все-таки начали заедать. И если раньше чувство обреченности при мысли, что на следующий день придется вернуться к работе, накатывало только по выходным, то теперь – каждый будний вечер, прямо перед сном, как по часам. Обычно зарядиться энергией помогал кофе из «Старбакс» по дороге на работу, а в особо трудные дни – и по пути домой.

Чувство опустошенности не проходило, и со временем мне стало требоваться нечто большее, чем чашка хорошего кофе. Все чаще, глядя на цифры, я пыталась представить увлекательную жизнь моих клиентов: авиаперелеты, отели, новые города... Уж кто-кто, а я-то знала, что статья расходов «на офисную мебель» означала покупку сногшибательного дивана на веранду собственного дома у моря... А пределом моих мечтаний стало своевременное завершение проверки чужих деклараций. Поймав себя на размышлениях о том, что в своей жизни сделала неправильно, я поняла, что нахожусь в глубокой депрессии, которую можно считать профессиональным заболеванием бухгалтеров.

Телефон оповестил о новом сообщении: «До встречи на сеансе терапии!!! Джефф». Он всегда подписывал свои сообщения. Видимо, чтобы я не забыла, с кем хожу к психологу по семейным вопросам; а три восклицательных знака очень точно передавали восторг моего мужа по этому поводу.

Сама я посещала психолога уже много лет, но парная терапия была мне в новинку. Идея родилась у Джеффа, когда даже он – со всем своим неубиваемым оптимизмом – понял, что нужно как-то преодолеть ту огромную пропасть, что возникла между нами. Я согласилась, хотя в глубине души понимала, что невозможно починить то, что сломано изначально.

Мы с Джеффом познакомились, когда он работал в ресторане «Чилиз»² рядом с нашим офисом. Однажды после составления налоговой отчетности мы с подругой заглянули туда с единственной целью – просто и честно выпить, без сальных шуточек и приставаний со стороны «разогретых» мужиков в хороших костюмах. Через некоторое время нам стали приносить напитки, которые мы не заказывали, после чего официантка призналась, что это угощение от менеджера, и кивнула в сторону молодого человека лет тридцати, стоявшего у барной стойки. Он нам понравился: темные волосы зачесаны назад; на лице чуть отросшая щетина; одет в идеально отглаженные брюки и рубашку поло, которая, правда, не скрывала едва намечившийся «пивной животик». Помню, что выглядывающие из воротника рубашки волосы навели на мысль: «Если у него такая волосатая грудь, то каким должно быть тело?» От непристойных мыслей меня отвлекла широкая белозубая улыбка, с которой Джефф подошел к нашему столику, неся огромную порцию сливочного мороженого.

– Спасибо, но... у меня аллергия на лактозу, – сказала я, внезапно смутившись.

² «Чилиз» (Chili's) – американская сеть демократичных ресторанов, созданная в 1975 году в Техасе.

– Примите мои соболезнования, – прозвучало в ответ. Да еще с такой печальной миной, что мы с подругой покатались со смеху. А он убежал на кухню и принес все десерты из меню, в которых не было молочных ингредиентов. Потом Джефф несколько раз возвращался к нашему столику, чтобы вежливо поинтересоваться, чем я зарабатываю себе на хлеб и почему пью джин-тоник в «Чилиз». При этом он не забывал про свои обязанности – встречать и рассаживать гостей – и делал это с величественным и важным видом, непривычным для небольшого сетевого заведения в студенческом городке. Он походил на менеджера ресторана, отмеченного звездами «Мишлен», и заставлял всех посетителей чувствовать себя соответственно. Все это весьма очаровывало.

Поэтому, когда он попросил мой номер телефона, я подумала: «Почему бы и нет» – и не возражала, когда Джефф позвал меня на свидание.

Он выбрал малюсенькую итальянскую забегаловку, при виде которой я стала переживать за свой желудок. В ответ на мои опасения он заверил, что там готовят лучшую в Бостоне пасту. И это была чистая правда. Сначала удивили поцелуи во все щеки и объятия, которыми нас встретили при входе в ресторан, а потом – изобилие и великолепие блюд. Завершил нашу трапезу вкуснейший сорбет, приготовленный специально для меня. Внимание окружающих приятно удивило. Парень, с которым я встречалась до этого, «баловал» только походами в спортбар, где мы проводили время в компании его друзей под истошно орущий телевизор.

Новый знакомый окончательно покорило мое сердце, когда, подойдя к машине и обнаружив внушительную вмятину на крыле, просто сказал: «Чертовы бостонские водители!» – и пожал плечами. Ни криков, ни чертыханий сквозь зубы. Я почувствовала себя расслабленно и комфортно. Недостатки внешности и телосложения он компенсировал заботливым отношением и спокойным характером. Поначалу мне это нравилось.

Со временем забота стала утомлять, а неизменно приподнятое настроение заставляло чувствовать себя ушибленной: «Что со мной не так? Почему я так не могу?» Например, выслушав мой рассказ о провале делового обеда в честь запуска нового проекта, он заводил бодягу: «Не стоит переживать, бывает и хуже». Вскоре в ход пошли «голодающие дети», которыми он меня упрекнул, как в свое время мать, когда заставляла глотать несъедобное нечто, которое она называла ужином. Все, что требовалось от мужа, – это выслушать мои стенания по поводу недожаренной курицы и длинного волоса в салате моего босса и пожалеть, а не исполнять бравоурный марш.

Последние несколько лет мы перестали быть не только любовниками, но и друзьями; скорее соседями, вежливо кивающими друг другу, когда наши жизни случайно пересекались. После работы каждый спешил заняться тем, что ему нравилось: мой муж удалялся в спортзал, а я – в спальню, чтобы насладиться просмотром какого-нибудь телешоу или бесконечных сериалов, прерываясь только на то, чтобы перекусить и покормить кота. Если возникала потребность в чем-то романтическом, то лучше было самой все организовать, иначе можно было провести вечер за метанием топориков. (Муж и такое предлагал!) А мои идеи были предельно банальны – совместный ужин с выпивкой. Правда, вскоре Джефф перешел к усиленным тренировкам и начал оценивать калорийность каждого кусочка еды. Да, чуть не забыла: такие романтические вечера обычно заканчивались на диване – за просмотром концептуального инди-фильма³, рекомендованного каким-нибудь миллениалом, работающим в ресторане мужа. При этом Джефф бестрепетно и ритмично поглаживал мою ногу – как будто выполнял заученную программу. Мы спали в одной кровати, но были далеки, будто нас разделяли километры. Соприкосновение рук или ног воспринималось не как прелюдия к интимным ласкам, а как посягательство на чужое пространство.

³ Инди-фильм – это художественный фильм, который производится вне системы крупных киностудий, а затем и распространяется независимыми развлекательными компаниями.

Я начала писать мужу ответное сообщение, но потом передумала и, отправив подходящий смайлик, выключила телефон. Решила хотя бы немного поработать, но вместо этого продолжила сидеть, разглядывая мамино лицо на фотографии.

Глава 2

– Грейс? Грейс. Если ты меня слышишь, возьми трубку... – В наступившей затем тишине шум от проезжавших мимо машин и урчание моего двигателя звучали особенно громко. Пока я раздумывала над тем, что мама так и не смогла понять разницу между голосовой почтой и автоответчиком, вновь раздался ее голос:

– Ну хорошо. Хотела с тобой кое-что обсудить, но у тебя, как всегда, дела...

Я сразу почувствовала себя последней дрянью. В последнее время, чтобы ее не обижать, я все время ссылалась на свою занятость.

– Перезвони мне, как только сможешь. Дело важное. – Она снова сделала паузу и уже другим, немного обиженным тоном добавила: – Это мама.

В последнем слове она сделала упор на букве «м», как всегда, когда хотела упрекнуть за редкие звонки. Сама она, правда, никогда в этом не признавалась и называла меня мнительной. А еще удивлялась, почему я придерживаюсь строгого графика звонков – один раз в месяц. Оставшиеся двадцать девять дней я собиралась с силами.

Я пыталась убедить ее в удобстве обмена текстовыми сообщениями, но она наотрез отказалась обновить свой допотопный раскладной телефон, на котором набор текста – задача посложнее, чем решение квадратного уравнения.

– Вот приедешь ко мне в гости, и мы с тобой сходим и купим мне новый телефон, на котором я смогу писать тебе послания. У всех моих друзей есть такие маленькие улыбающиеся мордочки, и я хочу такие.

– Смайлики, мама. Они называются смайлики.

Тот факт, что у «мордочек» есть название, ее страшно поразил. Потом каждый раз, произнося это слово, она страшно гордилась собой.

Подъехав к светофору, я решила набрать матери. Она редко звонила не по расписанию, и, наверное, стоит узнать, в чем дело, – все равно ближайшие двадцать минут мне предстояло провести в пробке.

– Алло?! – Голос в трубке аж звенел от волнения, будто она не ожидала услышать меня вне графика.

– Мам, это Грейс. Получила твою голосовую почту. Надеюсь, ты отдаешь себе отчет, что в тот момент тебя никто не слышит?

– Грейс, тебе прекрасно известно, что я в этом ничего не понимаю, – произнесла она с узнаваемым акцентом, от которого меня передергивает. После многих лет, прожитых на севере, его звучание пробиравало, как разряд статического электричества. Сколько сил и времени я потратила в свои студенческие годы, чтобы избавиться от южного говора, и добилась своего только благодаря преподавателю вокала, с которым мы занимались по бартеру – за консультации по налогам.

Когда мама приехала в Бостон на мой выпускной, стоило ей заговорить, как люди начинали с интересом следить за нашим разговором, словно наблюдали за игрой в теннис: с нее на меня и снова на нее. Не часто услышишь китаянку, говорящую с южным акцентом, да еще и выглядящую так, будто только что сошла со сцены «Гранд Оул Опри»⁴.

– Ладно, проехали. Как у тебя дела? Ничего не случилось?

– Все великолепно, дорогая, но грядет мой день рождения, и в этом году я задумала нечто фантастическое – чтобы надолго запомнилось.

Не сомневаясь в том, что за этим последует, я решила нанести упреждающий удар.

⁴ Grand Ole Opry – так называют здание в Нэшвилле, в котором проходят концерты звезд кантри-музыки, транслируемые в прямом эфире по радио.

– Мама, я помню, что обещала приехать, но в этом году бизнес наших клиентов существенно вырос, и я могу не успеть... – Я замялась, обнаружив тем самым полную несостоятельность отмазки. До середины октября времени оставалось предостаточно.

– Помолчи секунду. Речь вообще не об этом. Мне исполняется СЕМЬ-ДЕ-СЯТ. И я хочу чего-то грандиозного, Грейс.

Я растерялась: что может быть важнее моего приезда? Нет, я вовсе не считаю себя какой-то особенной, просто мама годами ничего такого не предпринимала. Самолеты она на дух не переносила, а катаракта, затянувшая левый глаз, серьезно ограничивала ее активность в пасмурную погоду и темное время суток.

– Я решила отправиться в путешествие... в Грейс ленд! Ю-ху!⁵ – После этого победного возгласа наступила тишина, как будто мама читала по сценарию и теперь настал мой черед произносить текст. Как же я пожалела о том, что поспешила с ответным звонком! Насколько легче было бы вести этот разговор за бокальчиком вина, устроившись на диване.

– Одной поездки в Грейсленд тебе недостаточно?

Помнится, несколько лет назад мама уже предприняла поездку на автобусе с друзьями из комплекса для престарелых. Я была поражена, что она отважилась на такое путешествие, но, учитывая мамин страх перед всем, что летает – будь то птица или самолет, – автобус оставался единственным средством передвижения. Даже машина отпадала: мама с трудом могла преодолеть расстояние до продуктового магазина в пасмурный день, не говоря уже о тысяче миль до Мемфиса.

– Разве я не рассказывала, что мы так никуда и не ездили? Незадолго до этого умерла Салли Роджерс, и... я решила, что это плохой знак.

– Да, да, ты говорила про плохой джу-джу⁶.

Слава богу, я вспомнила, а то уже испугалась, что начался склероз!

Мама мне все уши прожужжала с той поездкой, и для меня она как будто состоялась. Да что греха таить, разговаривая с матерью по телефону, я частенько думала о своем, воспринимая ее болтовню как фоновый шум. Может, были и другие вещи, которых она не делала? Заметив, что почти добралась до офиса психотерапевта, я благоразумно одернула себя, прежде чем нырнуть с головой в привычную выгребную яму воспоминаний и угрызений совести.

– Мам, послушай, поездка одной в такую даль – это не вариант. Сейчас я больше не могу говорить: у меня деловая встреча... – самозабвенно соврала я, но мать перебила меня на полуслове:

– Я еду не одна...

Простой перебор в уме маминых знакомых мгновенно свелся к выбору «либо умер, либо не в себе».

– Меня повезешь ты! Только подумай, как будет здорово! Ты и я, волосы развеваются на ветру, солнце бьет в лицо... – Похоже, она описывала недавно увиденный фильм. Ну точно. – Как Тельма и Луиза!

– Мама, Тельма и Луиза – преступницы, которые плохо кончили.

– Не драматизируй, Грейс. Ты же понимаешь, о чем я.

Этот упрек я всегда слышу в свой адрес, как только пытаюсь обуздать буйную фантазию своей матери. Так было и в тот раз, когда она решила, что добиться приглашения на свадьбу Лизы Мари и Майкла Джексона – левое дело.

– Нет, не понимаю. К тому же при всем моем желании я не смогу... – опять так же бессовестно соврала я. – Моя дурацкая работа. И Джефф. И...

⁵ Ю-ху – победный клич; возглас удивления или восторга, типичный для речи американцев.

⁶ Джу-джу (juju) – амулет, заклинание, табу.

– Грейси! Я все продумала до мелочей. Все, что от тебя требуется, это взять несколько дней отпуска и сесть за руль. Уверена, Джефф отнесется с пониманием.

Она права – не было никаких проблем ни с работой, ни с мужем, но я не собиралась так быстро сдаваться.

Мне удалось встать прямо перед входом – вот ведь везение!

– Все, мам, мне правда некогда. Обещаю подумать.

На этот раз я не обманывала – мне серьезно придется подумать над тем, как избежать поездки с мамой в одной машине, да еще в течение нескольких дней! Каждая наша встреча превращалась в мастер-класс по нагнетанию чувства вины с мамой в роли великого гуру и заканчивалась одинаково: я должна была оправдываться за принятые мной решения перед человеком, который славился своими ошибками. Вряд ли мама хотела, чтобы я чувствовала себя неудачницей, но в ее отношении ко мне всегда сквозило неодобрение. Именно поэтому я всеми силами избегала наших встреч и общения. Но, видимо, на этот раз лобовое столкновение было неизбежно – подобно слону, трубящему хоботом, мама неслась в мою сторону. А мне оставалось лишь маневрировать.

– Обещай подумать, Грейс. Нас с тобой ждет незабываемое приключение!

Нажав отбой, я заглушила машину и застыла в оцепенении. Ощущение было такое, будто мне крепко врезали под дых. Небольшая пульсация в висках грозила перерасти в серьезную головную боль. Я приехала чуть раньше намеченного времени, поэтому решила закрыть глаза и спокойно посидеть – авось боль отпустит, и не придется доставать ибупрофен.

– Грейс! Привет! – Рядом с машиной материализовался Джефф. Как всегда, улыбчив и весел! Как будто мы собирались на сеанс совместного массажа или на выступление любимой группы. Именно это делало его таким легким в общении, на что я поначалу и купилась. И, надо сказать, он умел при необходимости пользоваться своим обаянием, как, например, в тот раз, когда договорился для меня о скидке «для членов семьи» на новый «Субару-Аутбэк». Небывалый случай для дилеров «Субару».

– Ну что, готова?! – Он жестом пригласил меня следовать за ним; пришлось вылезать из машины.

– Вроде бы, – буркнула я, захлопывая дверцу.

– Все в порядке?

– Лучше не бывает, – зачем-то соврала я и взяла его протянутую руку, которая оказалась на удивление холодной и потной.

По первому же зову секретарши Джефф вскочил с энтузиазмом чертика из табакерки. Мы пошли по длинному коридору, сплошь увешанному дипломами и сертификатами, которых я раньше не замечала.

В кабинете нас ждал шикарный кожаный диван, затягивающий любого, подобно трясине. Я присела на одном краю, а Джефф вместо того, чтобы сесть рядом по центру, занял противоположный угол и начал петь дифирамбы довольно невзрачному синему галстуку доктора Уэйкфилда. Вскоре разговор коснулся такой животрепещущей темы, как правильное хранение этого аксессуара мужской одежды. Когда я начала заплетать косички из бахромы диванной подушки, доктор Уэйкфилд наконец прервал рассказ Джеффа о посетителе ресторана, который однажды предложил купить у него галстук.

– Джефф, кажется, вы сегодня собирались кое о чем поговорить с Грейс? – многозначительно произнес он. Муж в ответ улыбнулся – как же иначе, – а потом запыхтел, как допотопный драндулет, готовый вот-вот заглохнуть.

– Ну, в общем, Грейс... Тут такое дело...

Чтобы облегчить его страдания, я изобразила на лице внимание.

– Я... я... кое-кого встретил, – последние слова он пробормотал чуть слышно. – И мы полюбили друг друга, – добавил он.

Вот так: ударил ножом, а потом еще и провернул. Раз уж убивать, то наверняка.

– Что за черт?! – На глаза мгновенно набежали слезы, я словно смотрела на комнату через аквариум. Я протянула руку в сторону доктора Уэйкфилда и помахала ею, исполнив таким образом универсальный жест «дайте мне эту чертову коробку с салфетками», хотя в тот момент мне большегодились бы боксерские перчатки.

– Грейс, я понимаю, как вы расстроены. Джефф посчитал, что будет лучше рассказать вам обо всем в безопасной, нейтральной обстановке моего офиса. Для него было важно проявить к вам уважение. – Доктор запнулся на слове «уважение», из чего можно было понять, что даже он считает, что такие признания лучше делать без свидетелей.

– Он решил, что так будет лучше?! – От злости у меня перехватило дыхание, и голос звучал сдавленно и хрипло. Дома я хотя бы могла воспользоваться собственными салфетками. Придурок! Я вытерла глаза, высморкалась и посмотрела на Джеффа. Тот сидел, глядя в пол, и грыз ногти. Весь из себя такой уважительный.

– Уважать кого-то – значит заботиться о чувствах другого человека, а не повторять то, что делают во всяких дерьмовых телесериалах. Вы обо мне подумали, когда разрабатывали свой грандиозный план? – С этими словами я повернулась к доктору Уэйкфилду, который выглядел так, как если бы у него с помощью дрели брали кровь на анализ. – Вы же мой психотерапевт.

– Технически я психотерапевт вашего брака... – начал оправдываться доктор, видимо надеясь хоть как-то утихомирить мой гнев. При этом в его голосе было столько печали, что захотелось чем-нибудь запустить ему в голову – солидная порция помета от пролетающей птички тоже бы сгодились.

– Мой муж только что признался, что изменяет мне, а вы что-то лепечете про психотерапию брака. Уверена, вы, доктор, прекрасно меня понимаете.

Доктор Уэйкфилд вытер лоб, а я представила, что это не бисеринки пота, а вонючая птичья отметина.

Затем настал черед Джеффа.

– Давай-ка разберемся. Получается, что, пока мы развлекались брачными консультациями, причем платили столько, что хватило бы на обучение ребенка в колледже, ты всю трахался на стороне?

Этих слов оказалось недостаточно для того, чтобы вывести Джеффа из себя; он продолжал смотреть в стену за спиной доктора Уэйкфилда.

– Я просто не знал, как сказать тебе, Грейс. – Его глаза не двигались, голос звучал спокойно – как, впрочем, всегда.

– Сумел же ты без помощи доктора сделать мне предложение. А теперь вот так – легко – отказываешься от того, чем очень дорожил?

Выражение лица Джеффа не изменилось, но по щекам покатались слезы. Психотерапевт протянул ему коробку с салфетками, но тот лишь отмахнулся.

– А может быть, все изначально было неправдой?

На этих словах Джефф так резко повернул голову в мою сторону, что чуть не вывихнул шею. Я впервые видела такое бурное проявление эмоций с его стороны. Он наклонился ко мне и, тяжело дыша, процедил сквозь стиснутые зубы:

– Ты лучше себя спроси!

Прав он был или нет, обсуждать наши отношения совсем не хотелось. Место и время были явно неподходящие. Джефф встал и сделал шаг к двери, но я опередила его.

– Можешь оставаться.

– Грейс, как-то неловко отпускать вас вот так, – вмешался доктор Уэйкфилд.

Я обернулась.

– Неужели кому-то из вас двоих есть дело до того, каково мне сейчас?

Ответил только доктор Уэйкфилд, Джефф плюхнулся обратно на диван и опустил голову.

– Вы правы, Грейс. Самое важное сейчас – ваши чувства.

– А ты действительно что-то чувствуешь, Грейс? Значит, вот что тебе было нужно? – снова дернулся в мою сторону Джефф.

– Ты лучше себя спроси! – бросив Джеффу в лицо его же слова, я выскочила за дверь.

К своему немалому удивлению, я действительно разволновалась не на шутку: после шока от предательства Джеффа пришло чувство... облегчения – при мысли, что мне больше не придется участвовать в этом идиотском фарсе.

Глава 3

Мы с Джеффом редко ссорились, и если такое случалось, то буквально через несколько минут после размолвки он начинал просить прощения. На этот раз все было по-другому: он не пришел домой ни в тот вечер, ни на следующий день – и я поняла, что дело серьезное. Это был самый долгий срок, когда мы не разговаривали, но я не собиралась делать первый шаг.

Наверное, я должна была переживать, что муж променял меня на другую женщину; злиться на то, каким образом он признался в измене. Вместо этого я мысленно ходила по кругу, вспоминая последние десять лет, и гадала, как и когда между нами все пошло наперекосяк.

Хотя Джефф физически отсутствовал, все в доме напоминало о нем: в холодильнике стояли разложенные по контейнерам диетические блюда из курицы и брокколи, которые я могла спокойно вышвырнуть; но вот разобраться с безвкусными безделушками, встречающимися повсюду в квартире, было не так-то просто...

Открыв шкаф, я заметила, что не хватает нескольких рубашек, хотя остальные его вещи были, как всегда, аккуратно разложены и развешаны по цветам, как в магазине «Блумиз»⁷. В отличие от моих, которые валялись кучами, как после бомбежки. Стоит отметить, что недавно Джефф отказался от старомодных черных мокасин и широких брюк цвета хаки в пользу модных кроссовок и джинсов. По правде говоря, я сразу заподозрила неладное, когда он стал задерживаться на работе, ссылаясь на преобразования столетней давности. Но татуировка в виде знака бесконечности на его лодыжке сбила меня с толку: я отказалась от мысли об интрижке на стороне в пользу кризиса среднего возраста. Скорее всего, случилось и то и другое, но я ничего не предприняла. Так кого сейчас следовало винить?!

Порывшись в ворохе старых туфель и скомканных вещей на своей половине шкафа, я откопала старый черный чемодан, украшенный багажными бирками, которые не удосужилась оторвать после последней поездки в Техас.

Пока я раскладывала чемодан на кровати, зажужжал телефон и одновременно с ним внизу хлопнула входная дверь. Кто-то позвал меня по имени, но я не узнала голоса. Успокоив себя тем, что ни один убийца не станет таким образом привлекать к себе внимание, я выглянула на лестницу.

– Грейс! Ты здесь? Надеюсь, не испугала тебя.

– Совсем чуть-чуть.

Это была Аша, единственная подруга, оставшаяся у меня после колледжа; нашей дружбе не помешало ни ее превращение в супермаму с кучей детей, ни моя приверженность идее брака без детей.

Аша протопала по ступенькам, сердито бубня:

– Сначала пишешь, чтобы я приехала, а потом не берешь трубку.

В ее голосе, как обычно, звучали гневные нотки. Раньше я все время думала, что чем-то ее рассердила, пока Аша не спросила, почему я все время извиняюсь. Как-то, еще на первом курсе, она написала: «У меня синдром стержового голоса». Дело было на одном из семинаров, которые администрация придумывает для свежее испеченных студентов, чтобы те привыкали к дисциплине и не портили статистики.

– Извини, нырнула в шкаф Декстера.

Последовав за мной в комнату, Аша заглянула в шкаф и рассмеялась.

– Декстерррра! – передразнила подруга. – После стольких лет в Бостоне? Я умываю руки.

⁷ «Блумиз» (Bloomie's) – новый, «сокращенный» и уменьшенный формат магазинов знаменитой сети Bloomingdales.

Аша была индианкой и коренной бостонкой – она взялась приобщать меня к стилю жизни Новой Англии⁸, начав с высмеивания моего раскатистого «р», свойственного южанам.

В ответ я сделала страшные глаза и... чуть не потеряла левую контактную линзу. Аша хихикнула.

– Теперь это уже не твоя проблема.

– Джефф должен будет вывезти свое барахло до моего возвращения, иначе я отдам все в благотворительный фонд.

– Даже бездомные погнушаются таким дерьмом, – с этими словами Аша швырнула в меня одним из мокасинов.

– И то правда.

– Кстати, можешь не волноваться, в твоё отсутствие обещаю взять на себя заботу о Пуддлзе. Хотя он мог бы пригодиться Лоралинн в дороге – в качестве парика.

– Не смейся над святым, – вяло откликнулась я.

Аша впервые встретила маму на выпускном вечере и к тому времени была наслышана о ее выходках. В отличие от меня, буквально сходящей с ума от раздражения, подругу они забавляли.

– Она напоминает мне киношных мамочек. К ее чести, она никогда не пыталась выдать тебя замуж за сына друга семьи.

«Есть вещи и похуже», – подумала я.

– Ты уверена, что сможешь позаботиться о коте? Хотя, зная тебя, кота я, скорее всего, больше не увижу.

– Я его как минимум переименую.

А вот на это я бы с радостью согласилась. Кличка Пуддлз была, на мой взгляд, просто дебильной. Ее придумал Джефф: он любил присваивать нашим домашним питомцам нелепые, но звучные имена.

– А кому отойдет кот после того, как вы, ребята...

– Не бойся произнести это слово – «разведемся».

Вот я и назвала вещи своими именами. И задумалась: не имея детей, с равными доходами, мы могли бы разделить совместно нажитое имущество довольно легко, но владение котом создавало проблему. Хотя вряд ли нам потребуется обращаться к мудрости царя Соломона, тем более что я не кошатница. Как, впрочем, и не собачница.

Я взяла Пуддлза на руки и начала почесывать ему за ушком, на что кот ответил довольным мурлыканьем. Бедный! Он понятия не имел, что его ждет. Вся его жизнь проходила в компании телеканала *Animal Planet*, роботизированной кормушки, дозатора воды и туалета. А теперь ему предстоит бороться за жизнь в окружении кучи детей.

– Спасибо, что пришла. И за то, что готова взять нашего старичка. – Я перестала вести счет жизням кота, когда перевалило за девять.

– Ты уже сообщила матери о своем грандиозном решении или просто собираешься появиться у нее на пороге с набитым чемоданом? – Аша кивнула в сторону кучи одежды, которая валялась на кровати.

– Нет пока. Жду, когда решение полностью созреет.

– Чтобы не передумать?

– Похоже на то.

– Ну, если будет нужна помощь, ты знаешь, где меня найти. Буду ждать твоего возвращения.

⁸ Новая Англия – историческая область на северо-востоке США, включающая несколько штатов, где располагались самые ранние европейские поселения в Северной Америке. Сегодня является одним из основных мировых центров образования, высоких технологий, страхования, медицины. Бостон – ее культурный, финансовый, образовательный, медицинский и транспортный центр.

Я погладила Пуддлза, а затем бросила несколько пар обуви в открытый чемодан.

– Что собираешься делать дальше? – спросила Аша, аккуратно складывая мою одежду.

– Наслаждаться отдыхом? Параллельно переваривать случившееся, стараясь не сойти с ума.

– Да, глобальный план для первого отпуска за много лет. Мы же называем это «отпуском»?

– Лучше «семейной командировкой».

Подруга не хуже меня знала, что после колледжа мы с мамой редко виделись. Созванивались в последнее воскресенье месяца, я приезжала к ней на Рождество и День благодарения, в основном чтобы удрать от холодной бостонской зимы. И каждый раз, получив порцию странных историй из жизни Элвиса и наслушавшись его песен, я возвращалась со словами, что делаю это в последний раз.

– Я поняла, почему ты решилась на это путешествие. Потому что ты хорошая дочь.

Аша всегда умела сказать нужное слово в нужное время, успокаивая мою совесть.

– Не уверена, что хорошая. Просто дочь.

– Не всякий мог бы так поступить. Так что вспоминай об этом, когда придется в тысячный раз прослушивать подборку великих творений Элвиса.

– Не думаю, что поможет.

Схватив бокал с вином, я плюхаюсь на кровать. Я изо всех сил старалась не показать, насколько взвинчена. Аша села рядом.

– Выпей, сестренка. Тебе пойдет на пользу.

– Все, у меня дел по горло! – Я залпом допила вино. – Нужно сложить вещи и прикончить эту бутылку!

Аша поцеловала меня в макушку, взяла на руки Пуддлза и, напевая *You Are Always on My Mind*⁹, направилась к лестнице.

– На что я себя обрекла?

Она повернулась.

– На доброе дело.

Боже! Как было бы хорошо.

В трубке продолжали звучать гудки, и я репетировала речь, которую наговорю на автоответчик после того, как дослушаю *Are You Lonesome Tonight?*¹⁰ в мамином исполнении. И в этот момент раздалось:

– ГРЕЙС?! – Было слышно, что мама сильно запыхалась. – Сегодня же не наше воскресенье. У тебя все в порядке?

Как я ненавидела себя в этот момент за то, что телефонные звонки не по расписанию заставляют ее тревожиться.

– У меня все хорошо. А как ты? Ты только что марафон пробежала?

– О боже, нет. Ты же знаешь, я побегу только при виде разъяренного медведя. Просто воспитываю характер – оставляю телефон в розетке. Говорят, эти телефоны как наркотики, к ним можно пристраститься. – Слово «наркотики» она прошептала, будто сидела на собрании анонимных наркоманов.

– Мама, ты точно так же относилась к банковским картам. А теперь заказываешь свои парики через интернет, как обычная миллениалка. – Тут же осознаю, что мама понятия

⁹ *You Are Always on My Mind* (пер. «Я всегда думаю о тебе») – припев знаменитой баллады, которую впервые исполнил Элвис Пресли.

¹⁰ *Are You Lonesome Tonight?* (пер. «Если тебе одиноко сегодня вечером») – написанная в 1926 году, наибольшую популярность песня приобрела после исполнения ее Элвисом Пресли.

не имеет, кто такие миллениалы, и придется потратить следующие пятнадцать минут на объяснения, поэтому быстро продолжаю: – Звоню тебе по поводу твоего дня рождения.

– Ах да. Семь-ноль, СЕМЬ-ДЕ-СЯТ. Представляешь? Джейн Пардью сказала, что я выгляжу не старше шестидесяти. Все потому, что она никогда не видела пожилых азиаток. Мы не скукоживаемся! – И мама покатывается со смеху. Одному Богу известно, откуда она черпает все эти благоглупости. Это азиатки-то не скукоживаются?! Все сплошь покрываются морщинками. Вот почему я всегда прячусь в тени.

Мама заговорила об уходе за кожей и необходимости зонтиков. Раньше все это меня страшно раздражало, но теперь я и сама стала придерживаться простых правил: пить теплую воду с лимоном, находиться на солнце только под зонтом...

– По поводу поездки в Грейсленд. Ты не передумала?

– Конечно же нет. Я думаю о ней уже несколько лет. У меня все заранее спланировано. Ронни Альбертсон сказала, что поедет со мной, если ее муж отпустит, но, видит бог, я не смогу находиться в машине с этой женщиной в течение двух недель – даже ради Элвиса.

– Ты все еще хочешь, чтобы я тебя отвезла?

Телефон замолчал.

– Мечтаю об этом, – сказала она удивительно спокойно и просто, в непривычной для себя манере. Я даже опешила.

– Тогда так мы и сделаем. Я... прилечу в Эль-Пасо, и мы отправимся в путь.

В трубке наступило гробовое молчание.

– Мама? Мам!

– Ю-ху! – раздалось наконец так громко, что мне пришлось отодвинуть трубку. А потом, продолжая радоваться, мама начала составлять перечень необходимых дел.

– Я же говорила, что Джефф тебя отпустит.

– Мама. Он... – Я хотела было рассказать матери о том, что мы расстаемся, но потом решила не портить ей настроение. – Да, ты была абсолютно права.

– О, дорогая моя, как же здорово. Наконец-то! Вот увидишь, я еще сделаю из тебя поклонницу Элвиса.

– Мама, не торопи события. Относись ко мне как к водителю с «Убер».

– Что такое «Убер»?

– Все, проехали. Просто иди собирать вещи. Я сообщу тебе, когда я прилечу.

– Хорошо, хорошо. Даже не верится, что ты согласна. Прямо чудо какое-то! Как же все хорошо сложилось, Грейс!

Или, вернее, как вовремя все развалилось.

– Да, мама. Очень удачно.

Когда я была маленькой, мама настаивала на том, чтобы любые порезы или царапины обрабатывались большим количеством перекиси водорода. Ох, как же я орала от боли во время этих процедур! Помогало ли такое лечение в заживлении ран, не знаю, но отвлекало от изначальной проблемы – однозначно.

Поэтому, решившись вместе с матерью отправиться в путешествие, о котором она всю жизнь мечтала, я надеялась на аналогичный эффект. Да, с непривычки будет больно, но потом я смогу начать все с чистого листа. Главное – отвлечься от бесконечных мыслей о том, как я оказалась в такой ситуации.

Я не ожидала, что после столь долгого периода радиомолчания Джефф выйдет на связь, поэтому крайне удивилась, получив от него сообщение с предложением встретиться. Был позыв спросить, не потребуется ли нам психотерапевт? Но потом решила не опускаться до мелочных подколов. Как бы я ни сердилась – не только на него, но и себя, – я не хотела оставлять все как есть.

Я ответила согласием и тут же пожалела. Я была не в состоянии что-либо с ним обсуждать. Самым мудрым сейчас было бы письменно обсудить детали и побыстрее покончить с формальностями. Если твой брак мертв, зачем продлевать агонию?

Джефф приглашал меня в кафе неподалеку от нашего дома – уверена, чтобы обезопасить себя, – хотя напрасно: я не была любительницей публичных скандалов. За исключением, правда, того случая, когда наш кот сбежал из дома. Вот тогда, стоя посреди улицы, я попеременно то честила Джеффа, который выпустил Пуддлза, то звала кота. Со своей стороны попросила встретиться в заведении на другом конце города: не потому, что боялась устроить сцену с разбрасыванием пакетиков сахара, а чтобы избежать встречи с кем-нибудь из коллег или знакомых. Меньше всего хотелось, чтобы Джейн Чой разнюхала о моем предстоящем разводе и начала перемывать мне кости.

Когда я приехала, Джефф уже сидел за столиком – в самом дальнем углу почти пустого заведения; в руках огромная кружка дымящегося кофе; очки запотели от пара. Он был одет как на работу – в один из своих серых костюмов и цветную рубашку, которыми был полон наш шкаф. И в кои-то веки он выглядел по ситуации – без присущей ему веселой игривости. Может быть, он все-таки не был роботом?

Я быстро подошла и села напротив, не дав ему возможность заговорить.

– Странно, что мы встречаемся не в кабинете психотерапевта. Ты нашел в себе силы поговорить без участия посторонних? – Как все-таки приятно высказать это вслух. Его вид меня порядком разозлил.

Он поднес было руку ко рту с целью погрызть ногти, но быстро положил обратно на стол, видимо вспомнив, как я ненавижу эту мерзкую привычку. Конечно, я могла бы догадаться, что грызть пальцы – признак стресса. Не мог же он вечно быть счастливым, каким хотел казаться.

– Ты можешь хотя бы объяснить мне, почему у нас с тобой все так?

Серьезно?! Я скорчила гримасу.

– Ну, ты понимаешь, о чем я, – продолжил Джефф после короткой запинки.

– Может, это ты мне объяснишь? – парировала я.

– Честно говоря, не знаю. Мы ведь никогда не ссорились... – Он замолчал, видимо припоминая.

– Да, но мы никогда и не смеялись.

– Но раньше я казался тебе смешным.

Я и сейчас так считала, но как ему объяснишь?.. Поначалу его остроумие подзаряжало энергией, но его не хватало, когда случались напряженные дни на работе или накаtywало моральное опустошение после общения с моей матерью. Во всех этих случаях Джефф продолжал сыпать все теми же нелепыми каламбурами и заезженными шуточками, а я просто молча прятала поглубже свои переживания. Помню тот день, когда меня обошли с повышением: я плакала на кухне, а мой муж не придумал ничего лучше нелепого гэга, подходящего разве только для пятилетнего ребенка. Я ждала проявлений сочувствия, но Джефф настолько боялся любых негативных эмоций, что и мне было запрещено их показывать – как когда-то в детстве. Но если твой муж не понимает и не чувствует тебя, тогда к чему такой брак?

– Смех не панацея, Джефф. Люди не всегда чувствуют себя счастливыми, понимаешь? Это и называется «быть человеком».

– Значит, ты злишься на меня, потому что я позитивный человек? Это многое объясняет, – саркастически заметил Джефф, делая глоток из кружки, которую при этих словах мне захотелось выбить у него из рук. Да, он был позитивным до омерзения. Но никому не дано быть вечно веселым и жизнерадостным; поведение а-ля Поллианна¹¹

¹¹ Поллианна – женское имя, означающее «приносящая много радости/удовольствия». Так звали героиню одноименной книги Элинора Портер, опубликованной в 1913 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.